

НЕ ОХИТЬБЬ ЕДИНОМЪ
БРАТЪ ЖИВЪ
ЧЛОВАКЪ

Кому Церковь не
мать Тотъ
Богъ не отецъ

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО
ИЗДАНИЕ
БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО
СПАСА

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 46
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Домашняя церковь.—Преподобный Арсеній Комельскій. (24 Августа). Ник. Слѣдниковъ.—Сила Божія и немощь человѣческая Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. Сергѣя Нилуса.—Вологодская летопись. Среди пасомыхъ. Поѣздка преосвященнаго Никона, Епископа Вологодскаго въ г.г. Тотьму, Устюгъ и Сольвычегодскъ.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ.

Что можетъ быть святѣе той трапезы, отъ которой изгнано пьянство и объяденіе и всякая неумѣренность, и въ которую, вмѣсто того, введено дивное состязаніе о соблюденіи Божія закона, гдѣ и мужъ смотритъ за женою, чтобы она не впала въ бездну грѣха, а жена наблюдаетъ за мужемъ и преступника ожидаетъ величайшее наказаніе; гдѣ и господинъ не стыдится слышать обличеніе отъ рабовъ, и самъ исправляетъ въ этомъ рабовъ? Не погрѣшитъ, кто назоветъ такой домъ Церковію Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ столько цѣломудрія, что и во время пиршества помышляютъ о божественныхъ законахъ, и всѣ присутствующіе другъ предъ другомъ ревнуютъ и состязаются объ этомъ, оттуда явно всякій демонъ и лукавая сила изгнаны, а присутствуетъ тамъ Христось, радуясь о святомъ соревнованіи своихъ рабовъ, обильно даруя имъ всякое благословеніе.

(Изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго).

ПРЕПОДОБНЫЙ АРСЕНІЙ КОМЕЛЬСКІЙ.

(24 Августа).

Преподобный Арсеній родился въ шумной столицѣ Москвѣ въ XV вѣкѣ. Отецъ его былъ бояринъ Сухарусовъ. Знатность рода и богатая обстановка дома иного могли бы увлечь въ пучину мірской жизни, но Арсеній съ дѣтства полюбилъ Христа и Ему служить пламенно вожделѣлъ. Его влекло къ себѣ уединеніе и монастырскій подвигъ. Получивъ благословеніе родителей, Арсеній отправился въ обитель великаго игумена земли Русской преподобнаго Сергія, 100 лѣтъ предъ тѣмъ умершаго, но доселѣ живущаго духомъ и невидимо управляющаго основанною имъ обителью. Здѣсь поселился Арсеній и усердно сталъ проходить монастырское послушаніе—на скотномъ дворѣ, въ хлѣбнѣ, въ церкви. На работу онъ являлся ранѣе всѣхъ, трудился такъ, что можно было подумать о немъ, что онъ самага низкаго происхожденія: онъ старался быть слугою всѣхъ. Въ свободное отъ послушанія время, Арсеній молился Богу, читалъ свящ. писаніе и занимался переписываніемъ священныхъ книгъ. Какъ памятникъ

его труда, въ обители Преподобнаго хранится рукописное его Евангеліе, страницы котораго благоговѣнно лобызаютъ люди, приходящіе къ гробницѣ Угодника.

За великія добродѣтели Арсенія, за его нелицемѣрную любовь ко всѣмъ, братія Сергіевой обители по смерти настоятеля выбрала подвижника своимъ игуменомъ, умоляя его быть для нихъ отцомъ. Только ради усиленныхъ просьбъ смиренный Арсеній принялъ на себя высокое званіе, прося великаго Сергія быть ему вдохновителемъ и покровителемъ при управленіи своей обителью. Заботясь о благѣ братіи, трудясь для нея, какъ послѣдній послушникъ, игумень Арсеній забывалъ о себѣ. По внѣшнему виду никакъ въ немъ нельзя было узнать игумена. Однажды посѣтилъ св. обитель вел. князь Василій Ивановичъ и увидѣвъ настоятеля ея Арсенія чуть не въ рубищѣ, спрашивалъ братію: „что это значитъ, что игумень вашъ ходитъ въ такой худой одеждѣ?“ „Наставникъ нашъ истинный рабъ Божій и живетъ въ Богѣ; онъ думаетъ только о томъ, какъ бы оставить насъ и удалиться въ пустыню на безмолвіе“, сказали въ отвѣтъ братія и просили великаго князя убѣдить игумена остаться съ ними. Что бы не огорчить отказомъ высокаго посѣтителя, преподобный продолжалъ управлять обителью, хотя сильно желалъ удалиться въ пустыню. Прошло нѣсколько времени, преп. Арсеній ревностно исполнялъ обязанности высокаго, возложеннаго на него дѣла, причемъ не оставлялъ безъ отеческаго попеченія и всѣ приписанные къ Сергіевой обители монастыри и пустыни. Любовь къ уединенію и подвигу въ дикой пустыни разгоралась въ сердцѣ преп. Арсенія все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, она заставила его тайно отъ братіи оставить обитель и удалиться въ невѣдомыя лѣса. Преподобный направилъ стопы свои въ ту страну, гдѣ нашли покой своей душѣ и удобное мѣсто для служенія Богу многіе ученики преп. Сергія. Онъ достигъ непроходимыхъ лѣсовъ Вологодскихъ и остановился въ мѣстечкѣ въ 40 верстахъ отъ Вологды въ верховьяхъ рѣчки Бабайки, гдѣ не задолго предъ тѣмъ временемъ явилась чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи. Немного времени пробылъ тутъ Арсеній, потому что толпы богомольцевъ, приходившихъ поклониться чудотворному образу, нарушали его пустынный покой. Онъ оставилъ построенную имъ келію и пошелъ странствовать по дебрямъ комельскаго лѣса, прося Бога указать ему мѣсто для жительства. И Господь услышалъ молитву раба Своего. Въ густой чащѣ лѣса, гдѣ сливаются рѣчки Лежа и Кохтышъ, съ плечъ путника сорвало тяжелую ношу, которую онъ несъ на себѣ. Утомленный Арсеній сѣлъ отдохнуть тутъ и видитъ, какъ вдругъ неподалеку отъ него, близъ рѣчки Кохтыша, блеснулъ солнечный лучъ и необыкновенный свѣтъ озарилъ окрестность. Онъ понялъ, что Богъ указываетъ ему мѣсто

для жизни. Долго и сладко молился онъ Тому, Кто отечески печется о всѣхъ, и поставилъ келію тамъ, гдѣ возсіялъ свѣтъ. Дни

Арсеніевъ монастырь на р. Лежѣ.

въ трудѣ, а ночи въ молитвѣ проводилъ Преподобный. Невидимыя враги всячески старались смутить духъ подвижника, но, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, напустили противъ него сосѣднихъ крестьянъ, приходившихъ въ лѣсъ то для порубки, то для охоты. Крестьяне боялись, какъ бы на мѣстѣ подвиговъ челоуѣка Божія не выросла обитель и не овладѣла окрестными землями. Какихъ оскорбленій, обидъ и стѣсненій не дѣлали они Угоднику, чтобы изгнать его изъ келіи! Преподобный сносилъ все съ замѣчательною кротостью и смиреніемъ. Но дивное терпѣніе не подѣйствовало на злобныхъ поселянъ. Одинъ разъ они попали въ келію Угодника, и не заставъ его, убили келейнаго его старца. Тогда преподобный удалился изъ Комельскаго лѣса за зо версть въ дикій Шилегодскій лѣсъ на р. Шингоръ. Полное уединеніе здѣшняго мѣста вполне соотвѣтствовало сердечнымъ влеченіямъ Преподобнаго, который съ пламенною любовью къ Богу служилъ Ему въ безвѣстной пустыни. Немало времени жилъ Преподобный, „вперивъ къ небу умъ свой“ и оглашая пустыню сладостными пѣснями хвалы Творцу. Но кончился и здѣсь его уединенный подвигъ. Господу угодно было явить міру сокровище ду-

ховное, въ которомъ такъ нуждаются всѣ, ищущіе спасенія вѣчнаго. Случилось, что крестьянинъ Алексѣй Охотинъ забрелъ со своими собаками поохотиться въ Шилегодскій лѣсъ; собаки отбѣжали въ сторону, а охотникъ попалъ къ келіи пустынника Арсенія. Удивился старецъ при видѣ челоуѣка, попавшаго въ его уединеніе и отечески принялъ охотника. Преподобный долго наставлялъ его имѣть страхъ Божій и хранить заповѣди Господни; отпуская Алексѣя, подвижникъ благословилъ его и велѣлъ искать собакъ по р. Шингорѣ на мысу Кривикѣ: „тамъ найдешь ихъ съ большею добычею“, сказалъ онъ. Слова Преподобнаго оправдались. Охотникъ широко разнесъ вѣсть о проживающемъ въ лѣсу дивномъ старцѣ, къ которому потекли жаждущіе спасенія монахи и міряне. Старецъ всѣхъ принималъ съ лаской и любовью, отечески поучалъ ихъ любить Господа, пролившаго кровь на крестѣ за грѣхи наши, любить ближнихъ, какъ самихъ себя. Нѣкоторые боголюбцы оставались у старца навсегда и около келіи его водруженъ былъ крестъ, устроена часовенка для молитвы; такимъ образомъ выростала обитель, получившая наименованіе Александро-Коровинской (теперь Троицкая Пустынская церковь).

Около 7 лѣтъ жилъ преподобный Арсеній въ Шилегодскомъ лѣсу, довольный уединеніемъ. Въ 1538 году въ Вологодскіе предѣлы ворвались казанскіе татары, разрушая все на своемъ пути, убивая жителей или уводя ихъ въ неволю. Страхъ напалъ на населеніе деревень, къ которымъ приближались враги. Надѣясь найти безопасность въ глухомъ лѣсу, гдѣ подвизался Арсеній со своими учениками, многіе жители устремились къ нему. По молитвамъ угодника татары удержаны были Богомъ отъ вторженія въ мѣстность, освященную подвигами Арсенія, гдѣ несчастные люди нашли себѣ прибѣжище. Когда татары оставили Вологодскій край, пріютившіеся около благодатнаго пустынника жители не захотѣли возвращаться на прежнее мѣсто. Безмолвіе пустыни было нарушено появленіемъ шумнаго селенія. Любитель безмолвія, наставивъ братію, съ ученикомъ своимъ Герасимомъ рѣшилъ уйти на мѣсто, указанное ему Богомъ, въ Комельскій лѣсъ, на Кохтышь. Здѣсь онъ вскорѣ получилъ отъ вел. князя грамоту о дарованіи монастырю земли на 5 верстъ кругомъ и съ усердіемъ сталъ готовить землю подъ поля и огороды. Окрестные крестьяне не тревожили строителей, нѣсколько беспокоили ихъ только жители лѣсовъ—медвѣди, которые истребляли заведенный трудниками рогатый скотъ. Молитвою Преподобный укротилъ свирѣпыхъ звѣрей. Однажды, когда медвѣдь схватилъ корову, Арсеній послалъ своего ученика Герасима наказать его выстѣчь лозою. Медвѣдь не только не бросился на сотрудника Арсеніева, но поклонился ему до земли и съ той поры никогда уже не вредилъ монастырскому скоту.

Въ Комельскомъ лѣсу завелось братство жаждущихъ спасенія. Для братіи и для себя,—ибо хотя Преподобный велъ святую и подвижническую жизнь, но сознавалъ нужду въ общеніи со Христомъ чрезъ причащеніе Его Тѣла и Крови,—онъ построилъ съ благословенія Епископа вологодскаго храмъ. Самъ Преподобный и братія всѣ трудились неустанно надъ созиданіемъ дома Божія, который освященъ былъ 2-го Іюля 1541 года во имя Положенія ризы Божіей Матери во Влахернѣ. Устраивая Комельскую обитель, Арсеній заботился и о Шилегодской, часто ходя туда пѣшкомъ. Любилъ онъ иноковъ — своихъ учениковъ, любилъ весь народъ православный. Онъ жаждалъ спасенія его. Гдѣ бы ни привелъ случай побесѣдовать съ народомъ, Преподобный не жалѣлъ ни силъ, ни времени, чтобы наставить поселянъ истинамъ вѣры, правиламъ жизни христіанской. Въ дома заходилъ, на покосахъ, за порубкой лѣса—вездѣ онъ старался бросить въ сердца христіанъ сѣмя правды Божіей. Не любилъ онъ лжи и обличалъ людей, допускающихъ обманъ. Однажды крестьяне ближайшихъ къ обители деревень попросили у преподобнаго разрѣшенія половить рыбы на монастырскомъ участкѣ въ р. Лежѣ. Святой благословилъ и сказалъ, чтобы въ случаѣ хорошаго улова они принесли ему нѣкоторую часть рыбы. По молитвѣ преподобнаго уловъ былъ значительный. Когда надобно было исполнять обѣщаніе, рыбаки скрыли самую лучшую рыбу, думая, что игумень возьметъ ее, и принесли остальную, предлагая взять, что онъ хочетъ. „Зачѣмъ вы скрыли лучшую, зачѣмъ украли благословенное?“ посмотрѣвъ на принесенное, сказалъ прозорливецъ. Виновники принесли искреннее покаяніе. Особенно сильно настаивалъ угодникъ Божій на соблюденіи святости воскреснаго дня; вразумлялъ, наставлялъ не оскорблять его работой на свои потребности. Увѣщанія Преподобнаго производили на народъ сильное впечатлѣніе, потому что и самъ онъ показывалъ примѣръ почитанія воскреснаго дня и Господь чудесно подтверждалъ необходимость сего. Одна женщина крестьянка очень любила слушать бесѣды Преподобнаго и зѣло умилялась отъ нихъ. Но разъ нарушила запрещеніе работать въ воскресный день—пошла въ поле жать. Преподобный велѣлъ ей прекратить дѣло и молиться Богу, она сначала повиновалась, а потомъ опять пошла въ поле. Угодникъ Божій ночевалъ у одного боголюбца и молился. Вдругъ засіялъ свѣтъ, поднялась великая буря и снопы непослушной женщины разметало. Богъ вразумилъ!

Въ служеніи Богу и ближнимъ, въ трудѣ и молитвѣ прошла жизнь преподобнаго. Достигнувъ старости и чувствуя приближеніе смерти, преп. Арсеній собралъ всю братію обители и со слезами просилъ ихъ имѣть любовь другъ ко другу, хранить уставъ монастырскій по отеческому преданію, не уклоняясь ни

направо, ни налѣво. „Предаю васъ, братіе, въ руки Божіи и Пречистой Богородицы, заступницѣ рода хрістіанскаго“, сказалъ умиравшій старецъ плачущей братіи и, причастившись св. Таинъ мирно почилъ 24 Августа 1550 года. „Предаю васъ въ руки Божіи—последнее слово Преподобнаго на исходѣ жизненнаго пути, ибо онъ всею жизнью убѣдился, что промыслъ Божій устрояетъ судьбу человѣка и безъ воли Его ни одинъ волосъ съ головы нашей не упадетъ. Св. Арсеній не понадѣялся на знатность рода и богатство, онъ понадѣялся на Бога и пожелалъ служить Ему въ обители, въ нищетѣ и лишеніяхъ. Здѣсь онъ не жалѣлъ ни силъ, ни жизни, несъ всѣ послушанія, великій трудъ, полагаясь на милость Божію и помощь Его. Жажда уединенія, св. Арсеній, не страшась невзгодъ, трудовъ, страданій, не страшась дебрей, болотъ и дикихъ звѣрей, отправлялся въ невѣдомую лѣсную мѣстность, отдавшись въ волю Божію и по милости Господа подвижникомъ основаны три обители, въ которыхъ нашли миръ душевный и спасеніе множество людей. Живя вѣрой въ промыслъ Божій преп. Арсеній и другимъ людямъ внушалъ эту вѣру, наставлялъ во всемъ полагаться на волю Божію, исполнять Его заповѣди, особенно настаивалъ на соблюденіи покоя воскреснаго дня, убѣждая, что для работы назначены 6 дней, что Богъ не посрамитъ вѣрныхъ рабовъ Своихъ, соблюдающихъ эту заповѣдь, пошлетъ время благопріятно, а нарушающихъ заповѣдь лишитъ благоволенія Своего. И Господь дивнымъ образомъ подтверждалъ правду словъ и жизни угодника Своего, руководясь примѣромъ котораго и мы найдемъ умиротвореніе своего духа въ настоящее скорбное и многоятежное время.

Ник. Сльдниковъ.

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

LXVIII.

На время въ моей жизни водворилось нѣкоторое успокоеніе. Но бѣды, вѣрнѣе сказать, бѣсы, отступивъ посрамленными на одномъ флангѣ, повели наступленіе съ другого.

Былъ въ саду монастырскомъ, позади игуменскаго корпуса,

небольшой прудъ, и въ немъ водились караси. Я испросилъ у отца игумена благословеніе поохотиться, когда вздумается, на карасей съ удочкой, а изъ пойманныхъ карасей варить себѣ уху... Сижу я какъ-то съ удочкой на берегу пруда, а позади меня—отхожее мѣсто настоятельскаго корпуса. Вдругъ слышу, что со втораго этажа корпуса что-то шлепаеть прямо въ выгребную яму. По маломъ времени опять слышу: шлепъ, шлепъ, шлепъ!.. Меня это заинтересовало. Оставилъ я на берегу свою удочку, а самъ тихонько подошелъ къ выгребной ямѣ и увидалъ, что изъ жидкости торчатъ не потонувшіе пучки восковыхъ свѣчей. Я догадался, что это кто-нибудь изъ игуменскихъ келейныхъ воруетъ свѣчи изъ игуменскаго чулана. Отца игумена въ это время дома не было — онъ отъѣзжалъ на монастырскій хуторъ, версть за 15 отъ монастыря.

На другое утро сижу я на крылечкѣ своей кельи и кормлю своего ворона... Да, я и забылъ въ своихъ воспоминаніяхъ про этого моего друга-пріятеля, не одинъ годъ раздѣлявшаго со мною мое одиночество, а онъ стоитъ того, чтобы и ему удѣлить мѣстечко въ лѣтописи моей жизни. Прерву-ка-я свой рассказъ да и повѣдаю кое-что и о моемъ пернатомъ другѣ.

Когда я еще былъ въ Лебедяни подвальныймъ и жилъ въ домѣ Неронова неподалеку отъ питейной конторы, я не разъ просилъ своего домохозяина, чтобы онъ мнѣ досталъ хотя бы за деньги молодого вороненка. Хозяинъ пообѣщалъ мнѣ достать одного изъ гнѣзда, которое было въ строеніи сальни, но обѣщанія своего не могъ исполнить, такъ какъ воронята уже слетѣли съ гнѣзда.

Очень тогда это мнѣ было досадно, а дѣлать было нечего—приходилось ждать слѣдующаго лѣта. Сидѣлъ какъ-то разъ хозяинъ съ женой у себя на крыльцѣ и пилъ чай, а въ это время черезъ дворъ летѣли старый воронъ со своей самкой и молодыми воронятами. Хозяинъ возьми да и скажи мнѣ:

— „Вотъ бы упасть одному вороненку для нашего постояльца!“

И при этихъ словахъ одинъ вороненокъ взялъ да и упалъ на землю, неподалеку отъ хозяйскаго крыльца, и тутъ же былъ пойманъ хозяиномъ. Когда я взялъ вороненка изъ его рукъ, то вся воронья стая долго летала и кружилась надъ мною, пока я не унесъ его къ себѣ домой. Вскорѣ вороненокъ этотъ такъ привыкъ ко мнѣ, что леталъ за мною всюду, куда бы я ни ходилъ: пойду въ подвалъ, онъ летитъ за мною, не боясь залетѣть даже и въ подвальное помѣщеніе; а уже въ домъ — и говорить нечего—онъ влеталъ, какъ въ свое собственное гнѣздо и бралъ пищу прямо изъ моихъ рукъ. Иногда, плотно покушавши, онъ улеталъ на волю, но неизмѣнно возвращался домой на ночлегъ.

Удивительно мнѣ было, когда, бывало, дашь ему нѣсколько кусковъ сырой говядины, а онъ возьметъ ихъ и спрячетъ гдѣ-нибудь на дворѣ; а тамъ, смотришь, — прилетитъ къ нему старая пара его родителей, а вороненокъ разыщетъ спрятанные имъ куски мяса, поднимется съ ними на крышу и угощаетъ своихъ родителей. Любо мнѣ было смотрѣть на это проявленіе въ птицѣ дѣтской любви и какъ мнѣ было стыдно и больно за дѣтей человѣческихъ, не разумѣющихъ того, что доступно даже и птичьему разумѣнію!

Когда я поступилъ въ монастырь, со мною вмѣстѣ поступилъ и мой вороненокъ, возмужавшій и ставшій уже добрымъ большимъ ворономъ.

Въ моемъ одиночествѣ и въ скорбяхъ, которыми меня преслѣдовала вражья сила, я привязался еще болѣе къ моему другу. Былъ у меня въ Тулѣ знакомый инженеръ, и онъ мнѣ прислалъ для моего ворона серебряныхъ бубенчиковъ и медаль съ выбитой на ней надписью: „воронъ о. Ѳеодосія“. Я приладилъ и то, и другое на ворона: медаль повѣсилъ ему на грудь, а бубенчики, какъ у охотничьихъ ястребовъ, на хвостъ и на оба крыла; и когда въ такомъ уборѣ летѣлъ мой воронъ, то его слышно было издалека, а отецъ игумень, бывало, сидитъ на крыльцѣ и улыбаясь говорить:

— „Ну, вотъ, и становой нашъ ѣдетъ“.

И всѣ смѣялись на игуменское замѣчаніе.

Иногда мой воронъ и проказничалъ на свой воровской воровній ладъ: одно время онъ повадился летать къ одному Лебедянскому мяснику и портилъ у него вывѣшенные для просушки кожи.

Съ мясникомъ мы сошлись полюбовно, и онъ обѣщалъ мнѣ не дѣлать вреда моему другу, если я буду платить за убытки. Въ другой разъ онъ залетѣлъ въ окно къ молодому Лебедянскому квартальному и стащилъ у него съ окна дѣловыя бумаги, которыя онъ только что принесъ отъ городничаго. Квартальный этотъ незадолго до того женился и, конечно, его больше тянуло къ женѣ, чѣмъ къ служебнымъ обязанностямъ. Придя отъ городничаго, онъ положилъ на окнѣ бумаги, перевязанныя красной ленточкой, а самъ пошелъ въ сосѣдную комнату къ женѣ пить чай. Все это видѣлъ съ крыши сосѣдняго дома мой воронъ и когда квартальный ушелъ, онъ слетѣлъ со своего наблюдательнаго поста и, схвативъ на лету за красную ленточку бумаги, полетѣлъ съ ними въ монастырь, гдѣ и запряталъ ихъ въ порожнюю разбитую бочку. Эту сцену замѣтили сосѣди квартальнаго, подняли крикъ, на который прибѣжалъ квартальный и послалъ въ погоню за ворономъ верховыхъ пожарныхъ. Сколько тутъ было суматохи, сколько всякаго гвалту!... Въ монастырѣ

всѣмъ было извѣстно мѣсто, куда мой воронъ складывалъ все, что ему удавалось стащить, и бумаги были найдены въ цѣлости въ разбитой бочкѣ.

Для меня мой воронъ былъ большимъ утѣшеніемъ, даже привязанностью; и пернатый мой другъ тоже платилъ мнѣ, какъ умѣлъ, своей птичьей любовью.

Помянувъ, такимъ образомъ, добрымъ словомъ моего вѣрнаго друга, я обращаюсь теперь вновь къ прерванному повѣствованію.

Такъ, вотъ, когда на другое утро послѣ исторіи съ воровствомъ восковыхъ свѣчей сидѣлъ я на своемъ крылечкѣ и кормилъ ворона, пришелъ ко мнѣ молодой еврей, торговавшій виномъ за монастырской оградой въ одной изъ ближнихъ посадскихъ улицъ. Снявши вѣжливо шляпу, онъ поклонился мнѣ и сказалъ:

— „Какое прекрасное мѣсто, отецъ Θεодосій, вы выбрали себѣ!... Мнѣ очень бы желательно было съ вами поближе познакомиться. Вы не смотрите на то, что я—еврей: у насъ Богъ Отецъ одинъ, и я хорошо понимаю и вашу религію, и все, что касается до монашеской жизни.“

Завелась бесѣда на библейскія темы, и мой собесѣдникъ, оказавшійся очень начитаннымъ въ Библии, попросилъ у меня позволенія зайти въ мою келью. Въ кельѣ бесѣда продолжалась, и уже подъ ея конецъ мой новый знакомецъ сказалъ мнѣ:

— „Батюшка! и между евреями есть люди по жизни гораздо болѣе благочестивые, чѣмъ живущіе въ вашемъ монастырѣ послушники изъ исключенныхъ семинаристовъ. Вотъ я вамъ скажу хотя бы про игуменскаго келейника, Ивана: онъ невѣренъ, а ему отецъ игумень ввѣряетъ даже ключи отъ многихъ замковъ въ обители, когда куда-нибудь отлучается изъ монастыря. Мнѣ жаль отца игумена—его Иванъ такъ когда-нибудь обокрадетъ, что у него ничего, кромѣ носильнаго платья, не останется. Вы только, отецъ Θεодосій, не говорите, что отъ меня слышали, а Ванька воруетъ у игумена восковыя свѣчи пучками и, срывая съ нихъ бумагу, кладетъ ихъ въ чугуны, ставитъ въ печь, а когда воскъ растаетъ, разливаетъ его въ кружки фунтовъ по семи и по три, и по пяти. У меня онъ забираетъ водкой, а за нее расплачивается воскомъ. Сообщите объ этомъ тайно отцу игумену, но только меня не выдавайте: вѣдь, Ванька—то не одинъ—у него есть и товарищи по воровству, пьянству и распутной жизни. Если вы меня выдадите, то они мнѣ могутъ жестоко отомстить.“

Заручившись отъ меня обѣщаніемъ, что о его имени не будетъ и рѣчи, еврей ушелъ отъ меня, выражая мнѣ всякое уваженіе и рассыпаясь въ благодарностяхъ за ласковый пріемъ.

Вскорѣ послѣ этого посѣщенія пришелъ ко мнѣ отецъ игумень и въ разговорѣ сообщилъ мнѣ, что у него пропали двѣ бумажки по 50 рублей.

— „Я хорошо помню“, говорилъ игумень: „что я ихъ куда-то положилъ, а, вотъ, искалъ, искалъ ихъ и нигдѣ не нашелъ. А взять ихъ у меня, казалось бы, некому: кромѣ келейнаго Ивана у меня и не было никого.“

— „А вы, батюшка“, сказалъ я ему: „попробуйте-ка такъ сдѣлать: прикажите себѣ заложить лошадь да скажите Ивану, чтобы онъ зналъ, что вы объ этихъ бумажкахъ помните: поищика, братъ, пожалуйста, ихъ хорошенько — мнѣ сейчасъ недосужно, а вернусь я, тогда ты мнѣ ихъ и отдашь. Деньги тогда, навѣрно, найдутся, и вотъ вы тогда убѣдитесь, насколько вѣренъ вамъ вашъ любезный келейникъ.“

Игумень такъ и сдѣлалъ: сѣзидилъ въ городъ и когда вернулся, Иванъ ему поднесъ будто бы найденныя въ Библии деньги. Тогда, чтобы отцу игумену яснѣе доказать неблагонадежность его келейнаго, я посовѣтовалъ ему опять куда-нибудь отлучиться и спрятать всѣ ключи, кромѣ одного—отъ свѣчнаго чулана.

По отѣздѣ отца игумена, я сѣлъ опять у пруда ловить карасей, а Иванъ продѣлалъ свою штуку со свѣчами, какъ по писаному. Когда возвратился игумень, я раскрылъ ему Ивановы штуки и показалъ въ выгребной ямѣ торчащія пучки свѣчей, набросанные туда его любимцемъ. Игумень былъ пораженъ и вскорѣ выслалъ Ивана вонъ изъ монастыря, объяснивъ ему, что это я довелъ до его свѣдѣнія о всѣхъ его мошенническихъ продѣлкахъ. Конечно, уходя изъ обители, Иванъ пригрозилъ мнѣ мстью:

— „Отплачу я тебѣ, такой сякой! погоди—будешь ты у меня помнить хлѣбъ-соль!“—сказалъ онъ мнѣ на прощанье. И вскорѣ иду я съ коннаго двора съ ведромъ воды, а бывший келейный стоитъ у садовой калитки и держитъ въ рукахъ моего ворона. Воронъ бьется, кричитъ, кусаетъ его руки, а Иванъ въ моемъ виду взялъ да изо всей силы и ударилъ его головой о каменную стѣнку, такъ что кровью его забрызгалъ всю стѣнку, да и кричитъ мнѣ:

— „Вотъ тебѣ моя благодарность! Погоди, я тебѣ и еще отплачу!“

Мнѣ и до сихъ поръ еще жаль моего ворона — каково же мнѣ было тогда!... Прости, Господи, творящему зло и не вѣдающему, чью онъ творитъ волю!..

Былъ у меня обычай въ хорошія лунныя ночи выходить на молитву въ садъ. Хотѣлъ я, было, идти молиться Богу на открытомъ воздухѣ и въ ночь того дня, когда такъ безжалостно лишили жизни моего пернатого любимца, но на меня напалъ какой-то,

никогда со мной небывалый страх. Осѣнилъ я себя крестнымъ знаменіемъ и не пошелъ наружу, а на утро пришелъ ко мнѣ одинъ изъ братіи да и говоритъ:

— „Счастливъ ты, что не выходилъ ночью изъ кельи — тебя караулило нѣсколько человекъ, чтобы убить. Пойди-ка, посмотри, какіе они по себѣ слѣды оставили!“

И, дѣйствительно, у садовой бесѣдки я нашелъ на примятой травѣ разбитыя водочныя бутылки и четыре короткія, по аршину, дубинки: дожидались, стало быть, меня мои ненавистники, да Богъ отвелъ—не дождались.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Среди пасомыхъ.

(Поѣздка преосвященнаго Никона, Епископа Вологодскаго, въ г.г. Тотьму, Устюгъ и Сольвычегодскъ).

(Продолженіе).

VII.

Въ Котласѣ.—Прибытіе въ Сольвычегодскъ.

Между Устюгомъ и Сольвычегодскомъ находится оживленное село Котласъ, получившее особенную извѣстность со времени проведенія сюда изъ Вятки линіи желѣзной дороги. Въ церковномъ отношеніи Котласъ замѣчателенъ, какъ исходный пунктъ проповѣди Свят. Стефана Пермскаго и какъ мѣсто нахождения чудотворной иконы Николая Чудотворца, на поклоненіе которой стекаются паломники изъ многихъ даже отдаленныхъ селеній и городовъ.

Пароходъ останавливается въ Котласѣ на довольно продолжительное время, такъ что преосвященный получилъ возможность осмотрѣть котласскій храмъ. Встрѣченный многочисленной толпой православнаго народа во главѣ съ мѣстнымъ пастыремъ, владыка прошелъ въ алтарь, поклонился святынямъ храма и обратился къ предстоящимъ съ рѣчью. „Хорошо у васъ въ храмѣ, говорилъ преосвященный, это свидѣтельствуешь о вашей любви къ нему и благочестіи. Не забывайте храма души своей, очищайте его отъ всякой скверны, украшайте его добродѣтелями: смиреніемъ, любовью, принимая чаще въ себя Христа, Его Тѣло и Кровь въ таинствѣ причащенія. Христосъ возлюбилъ насъ, когда насъ еще не было, Онъ за насъ распостеръ руки Свои на крестѣ. Онъ хочетъ еще сдѣлать намъ великое благодѣяніе: войти въ насъ Своимъ Тѣломъ и Кровію, породнить насъ съ Собою. Великая милость къ намъ Господа! Будемъ достойны ея. Черезъ причащеніе наше тѣло становится храмомъ Божіимъ.“

Народъ получилъ отъ владыки на память книжечки и во множествѣ проводилъ его до пристани.

Къ вечеру небо стало заволакиваться тучами. Скоро сдѣлалось очень темно. Засверкала молнія, слышались раскаты грома. Бушевалъ сильный вѣтеръ. На пароходѣ наступила тьма, потому что токъ электрической былъ прерванъ. Нѣсколько ударовъ на столько были сильны, что невольно заставляли вздрогнуть. Пароходъ сталъ на якорь въ 1^{1/2} верстахъ отъ Сольвычегодска.

Тамъ духовенство и народъ дожидались владыки въ соборномъ храмѣ. Вдругъ молнія влетѣла въ осмерикъ храма, пронеслась по желѣзной рѣшеткѣ около соли и вылетѣла въ раскрытые западныя двери. Приблизительно въ это время владыка долженъ бы быть въ храмѣ, если бы пароходъ продолжилъ свой путь, а не всталъ на якорь.

Преосвященный прибылъ въ городъ около полуночи и продолжалъ въ Введенскій монастырь на ночлегъ.

VIII.

Въ Сольвычегодекѣ.

30 Юня утромъ онъ обозрѣвалъ сей монастырь, основанный при Иоаннѣ Грозномъ. Храмъ въ обители построенъ извѣстными Строгановыми въ видѣ четырехугольнаго высокаго столпа изъ обожженнаго краснаго кирпича съ известью, снаружи въ карнизахъ и колоннахъ частью изъ бѣлаго тесанаго и рѣзнаго камня. Стиль церкви обращаетъ вниманіе своею оригинальностью. Внутри церкви находится весьма замѣчательная икона Введенія Божіей Матери во храмъ съ весьма искусно написанными мелкими изображеніями событій изъ жизни Божіей Матери, частью заимствованныхъ изъ Евангелій, частью изъ преданій церковныхъ. Послѣ осмотра монастыря владыка слушалъ панихиду по похороненномъ наканунѣ настоятелѣ обители архимандритѣ Александрѣ, стяжавшемъ любовь за свою доброту, у его свѣжей могилы, украшенной цвѣтами, а также обратилъ вниманіе на могилы юродивыхъ, погребенныхъ въ монастырѣ: Иродіона, Θомы, Михаила и Иоанна, свѣдѣній о жизни которыхъ не сохранилось.

Изъ монастыря владыка выѣхалъ для обозрѣнія приходскихъ церквей г. Сольвычегодска: Борисоглѣбской, гдѣ сохранилось не мало старины, Владимірской, Воздвиженской, Спасообыденной, построенной по случаю моровой язвы, побывалъ въ часовнѣ, построенной на мѣстѣ нахождения прекратившаго существованіе Срѣтенскаго женскаго монастыря и наконецъ, прибылъ въ соборъ. Соборный храмъ весьма древній, построенъ былъ Строгановыми; не наружнымъ видомъ обращаетъ онъ на себя вниманіе, но внутреннимъ убранствомъ. На первый разъ оно производитъ на

посѣтителя весьма сильное впечатлѣніе. Точно попадаешь въ иной міръ, гдѣ такъ много высокаго, хорошаго, дивнаго. На моментъ забываешь настоящее, подчасъ столь неприглядное, и уносишься мыслію въ прошлое, за 300 лѣтъ назадъ, когда хрістіане не жалѣли ни силы, ни средствъ на созиданія храмовъ Божіихъ и украшеніе ихъ, когда жертвы текли рѣкой, когда украшеніе церковей иконами, живописью, считалось дѣломъ священнымъ, дорогимъ, и за него брались не ради прибытка, но ради Бога и любви къ труду. Въ Сольвычегодскомъ соборѣ—множество памятниковъ дивнаго усердія тогдашнихъ чадъ церкви, а также замѣчательнаго церковнаго зодчества, архитектуры и иконописи. Чтобы внимательно осмотрѣть соборъ, нужны дни, недѣли. Глазъ не можетъ оторваться отъ произведеній церковнаго творчества.

Владыка любовался храмомъ и церковными вещами, любовался иконами стариннаго письма въ прекрасныхъ ризахъ съ драгоценными камнями, старинными предметами церковной утвари: сосудами, ладаницею, стопою, ковшичками съ оригинальною надписью; онъ обратилъ вниманіе на рѣдкій древній киворій надъ св. престоломъ, разсматривалъ саккосъ, якобы принадлежавшій Свят. Стефану, холщевый съ живописными изображеніями, прекрасную шитую пелену, при видѣ которой воскликнулъ: „сколько на нее труда положено, это дѣло цѣлой жизни“, покровъ съ гробницы Митр. Алексія Московскаго Чудотворца и т. д.; входилъ владыка также въ комнату, гдѣ хранится множество рѣзныхъ изображеній Свят. Николая, и въ бібліотеку церковную. Внизу подъ соборомъ помѣщались въ былое время каменные мѣшки, куда сажали Строгановы преступниковъ; остатки мѣшковъ сохранились до нынѣ. Владыка при свѣтѣ факеловъ, точно въ прежнихъ катакомбахъ, чрезъ узкіе проходы пробирался въ палатки, гдѣ хранятся нѣкоторыя старинныя вещи, и къ каменнымъ мѣшкамъ.

Въ древнемъ соборѣ владыкою было отслужено на 30-го іюня всенощное бдѣніе, а на другой день литургія.

Въ это время, по исконному обычаю, въ Сольвычегодскъ была принесена чудотворная икона Божіей Матери Одигиріи изъ Хрістофоровой пустыни, предъ которой преосвященный читалъ акаѳистъ во время всенощного бдѣнія. Служеніе владыки привлекло въ соборъ множество горожанъ, которыхъ онъ поучалъ предъ шестопсалміемъ. „Сегодня пѣснопѣнія воскресныя перемѣшиваются съ пѣснопѣніями въ честь Божіей Матери, говорилъ владыка. У васъ великая дорогая гостыя—икона Царицы небесной. Гдѣ какъ не въ жизни Ея искать намъ для себя уроковъ?“ Владыка отмѣтилъ въ пространной рѣчи добродѣтели Божіей Матери—смирненіе, которое такъ разительно сказалось въ сло-

вахъ Св. Дѣвы Архангелу: *се раба Господня, буди ми по глаголу Твоему*, необыкновенное терпѣніе, проявившееся особенно у Креста, на которомъ страдалъ Ея возлюбленный Сынъ, трудолюбіе—Она усердно занималась рукодѣльями, извѣстно, что соткала хитонъ Иисусу Христу, о которомъ воины метали жребій. Кому, какъ не Ей, намъ подражать въ нынѣшнее тревожное время, у кого, какъ не у Нея искать защиты? *Не имамы инья помощи, не имамы инья надежды развѣ Тебе, Владычице*“, заключилъ проповѣдникъ свое теплое и назидательное слово.

Служеніе литургійное собрало еще большее количество народа, чѣмъ было наканунѣ. Главный храмъ былъ полонъ богомольцевъ, которые стояли и въ сосѣднемъ тепломъ храмѣ и заняли высокую лѣстницу, ведущую въ храмъ. Кромѣ того множество народа преимущественно простого въ своеобразныхъ двинскихъ костюмахъ принуждено было расположиться внѣ церкви, въ оградѣ.

За литургіей происходилъ почти невиданный мѣстными жителями трогательный чинъ посвященія въ санъ діакона и священника, а также чинъ награжденія набедренникомъ священника Христофоровской пустыни Александра Попова. Въ концѣ литургіи сказано было владыкой слово на текстъ евангельскаго чтенія: *не пейтесея душою вашею, что ясте или что пите: ни тѣломъ вашимъ, во что облечетесе: не душа ли больше естъ пищи, и тѣло одежды?* Эти слова Христовы кажутся странными современнымъ людямъ, которые всѣ заботы прилагаютъ лишь къ приобрѣтенію тлѣнныхъ благъ, улучшенію своего матеріальнаго положенія. Но истинно слово Господне! Ибо богатство даетъ ли человѣку счастье? Что значить слава и знатность при нездоровьи или неблагоприятныхъ условіяхъ жизни? Счастье есть правда, миръ и радость о Духѣ Святомъ. Но этотъ благодатный миръ сердца достигается чрезъ исполненіе заповѣдей Господнихъ. Какъ жалко, что нынѣ забывается основная заповѣдь Христова: *якоже хотите, да творятъ вамъ челоувѣцы, и вы творите имъ такожде*, т. е. что хотите получить или видѣть отъ людей, то же самое дѣлайте и имъ. Нынѣ говорятъ все о правахъ, а забываютъ объ обязанностяхъ. Нѣтъ, нужно всегда помнить о нашемъ долгѣ по отношенію къ ближнимъ. Мы проповѣдуемъ вамъ слово Божіе не по праву и власти, но по долгу, ибо на то поставлены, знаемъ слово Апостола: *горе мнѣ, аще не благовѣствую*. Богатый имѣетъ долгъ помогать бѣднымъ, рабочаго долгъ трудиться. Нашъ общій долгъ—любить всѣхъ и враговъ; онъ долженъ проявляться на дѣлѣ, въ отношеніяхъ къ людямъ. На страшномъ судѣ объявится любовь. Господь скажетъ тогда: Я алкалъ—и вы напители Меня, Я жаждалъ—и вы напоили Меня, нагъ былъ и одѣли Меня, страненъ—и приняли Меня. Любовь къ ближнимъ, проявляющаяся въ

помощи имъ, долгъ нашъ. Да вразумить насъ Господь и поможетъ идти по стопамъ Христовымъ.—Вотъ главныя мысли слова преосвященнаго сольвычегодской паствѣ.

Съ 4-хъ часовъ дня въ продолженіи двухъ часовъ владыка бесѣдоваль съ духовенствомъ г. Сольвычегодска и окрестныхъ приходо́въ: Пачезерскаго, Косминскаго, Христофоровскаго, Ньюбскаго, Песчаницкаго. Владыка, какъ отецъ дружной семьи, наставляль собравшихся іереевъ, какъ имъ совершать великое, порученное имъ церковью дѣло спасенія людей. Раскрывая имъ всю высоту пастырскаго служенія, онъ совѣтоваль, спасая другихъ, заботиться и о спасеніи своей души, каковое совершается человекомъ при участіи благодати Божіей. Со стороны христіанина необходимъ подви́гъ—борьба со страстями. Путь этой борьбы описанъ св. отцами, слова которыхъ для насъ весьма цѣнны. Владыка довольно подробно нарисоваль этотъ путь, причемъ отъ души совѣтоваль священникамъ обязательно читать творенія св. отцовъ: Іоанна Златоуста, Тихона Задонскаго, аскетическія сочиненія: Аввы Дороея, свят. Теофана Затворника, „Невидимую брань“ Никодима Святогорца, призналь необходимымъ пополнять ими церковныя бібліотеки, а тѣмъ болѣе благочинническую. Говориль преосвященный пастырямъ о необходимости усиленія въ настоящее время проповѣдыванія слова Божія, особенно живого слова, причемъ приводиль цѣнныя мысли изъ сочиненія Архiep. Амвросія о живомъ словѣ и указанія изъ собственнаго опыта; говориль о необходимости прививать въ дѣтяхъ любовь къ Церкви, довѣріе и расположеніе къ духовенству, о борьбѣ со своими личными пороками и недостатками. Въ заключеніе владыка особенно задушевно убѣждалъ духовенство, что въ настоящее время, когда врагъ со всѣхъ сторонъ дѣлаеть нападенія на Церковь, назрѣла потребность объединиться всѣмъ церковнымъ дѣятелямъ между собою, оставить вражду и нерасположеніе, но составить дружину твердыхъ борцовъ за вѣру и Русь святую, попираемую и раздираемую крамольниками.

Въ продолженіи двухъ часовъ священниками выслушанъ былъ цѣлый рядъ цѣнныхъ, душевныхъ, опытомъ провѣренныхъ, указаній и совѣтовъ, которые помогутъ пастырямъ въ ихъ трудномъ дѣлѣ особенно въ настоящее время. Ободренные и наставленные своимъ Архипастыремъ, они будутъ продолжать нелѣбно и съ новымъ запасомъ силъ пасеніе стада Христова.

(Окончаніе слѣдуетъ).